

ВОСПОМИНАНИЯ О РИТТЕРЕ.

Пятьдесят лет тому назад, в 1915 г., будучи студентом физико-математического факультета Харьковского университета, я часто посещал лекции профессоров-филологов: литовский и древнеисландский у Я.М.Эндзекина и санскритский у П.Г.Риттера. Курс санскрита был предназначен для общей подготовки студентов-филологов, а потому Павел Григорьевич читал его, пользуясь латинским шрифтом, без деванагари. Говорил он быстро и также быстро писал на доске, иногда поверх уже им написанного. Таким образом, сдать этот курс без его литографированного пособия было трудновато. Но зато в его пособиях были тех интересных рассказов об Индрии, которыми Павел Григорьевич дополнял свой сухой грамматический материал. Это были рассказы о женитьбе Шивы на Парвати и рождении бога войны, о царе Пуруравасе и небесной алкаре Урваси, о подвигах царя Рами и т.п.

После установления в Харькове советской власти, уже побывавши в Лаваревском институте восточных языков, я снова оказался слушателем Павла Григорьевича, на этот раз уже как студент Романо-германского отделения филологиче-

ского факультета того же университета, кото-
рый тогда назывался Академией теоретических
занятий. Условия для занятий были в то время
гражданской войны и экономических трудностей
тяжелые, так что студенты в шутку называли
свой вуз "Академией терзаний". Павел Григорьевич
был блестящим знатоком основных западно-
европейских языков, на которых свободно гово-
рил. Так свою первую лекцию "Pro rebus legendi"
еще в 1897 г. он прочитал сначала по-русски, а
потом по-итальянски. Поэту Калидасу "Облако -
вестник" он перевел не только по-русски и по-
украински, но и по-итальянски. Говорил, что
он послал ее в Италию, но судьба ее мне не известна.
Итак, в те времена он читал в универ-
ситете сравнительную грамматику индо-европей-
ских языков, обязательную для всех филологов,
а на нашем отделении - введение в романскую фи-
лологию и историю французского языка. Впрочем,
чтение было не регулярно, ввиду упомянутых
внешних трудностей, и экзамены мы сдавали преимуще-
ственно по книгам. Перед экзаменом Павел
Григорьевич брал у студента зачетную книжку и
ставил в ней 5, а потом спрашивал: "Что Вас
больше всего заинтересовало в данном курсе?"
Так как я к тому времени был уже знаком с

арабским, то, помнится, пустился в рассужде-
ния о значении так называемой внутренней фле-
ксии, которая в семитических языках играет ос-
новную роль, но которая, как мне казалось, со-
держится и в семантических перегласовках в
индо-европейских. Павел Григорьевич ответил,
что явления эти, конечно, аналогичны, но ви-
деть в них какую-то праязыковую связь между
обеими системами языков нет оснований. Такой
способ экзамена был возможен только в услови-
ях небольшой группы студентов, которые зани-
мались на романо-германском отделении. Экза-
мен по французскому языку у Павла Григорьеви-
ча состоял просто в переводе любого текста.
Помнится, что я при этом неточно перевел сло-
во *précise*. Павел Григорьевич меня поправил,
но потом я чувствовал себя очень неловко.

Тем временем Павел Григорьевич Риттер пы-
тался создать на филфаке особое отделение ин-
до-иранских языков. Для начала, чтобы придать
этому делу солидный характер, он поставил ус-
ловие, чтобы студенты этого отделения знали
хотя бы один восточный индоевропейский язык.
Таковых оказалось два, Автолик Геворкович Тер-
Гевондян, занимавшийся изучением диалектов
староармянского языка на основании средневе-

кових памятников, и я, поскольку я был знаком с персидским. Однако читать этой небольшой группе санскрит Павел Григорьевич не стал, а занятия ограничились очень интересным курсом литературы древней и средневековой Индии, которые проходили у него дома. На письменном столе у Павла Григорьевича стояли ряд огромных тома санскритского словаря, а по стенам в шкафах расположились его замечательная индологическая библиотека. Однако в том же кабинете стоял рояль, и иногда к нашему приходу этот "грамматист" и индианист заканчивал вдохновенное исполнение какого-нибудь любимого им классического музыкального произведения. Ведь и здесь Павел Григорьевич не был простым любителем. Он закончил Харьковское музыкальное училище, выступал в Доме ученых перед весьма взыскательной публикой. Его любимым музыкантом был, кажется Шопен. В его библиотеке были и работы по индийской музыке, которой он тоже занимался, в частности музыкой Рабиндранатха Тагора к его стихам. Павел Григорьевич говорил, что в европейской музыке индийцы больше всего любят Вагнера.

Занятия по индийской литературе состояли из чтения произведений старых авторов, знаком-

ства с редкими изданиями, а также репродукци-
ями произведений искусства, которые Павел Гри-
горьевич тут же вытаскивал из своих шкафов. По-
том все это переходило в беседы о прочитанном.
Павел Григорьевич был большим эрудитом в част-
ных вопросах. Однажды я спросил его, как это
случилось, что на Цейлоне имеется Адамов пик
и так называемая "стена" Адама. Ведь индийцы
первого человека называли Ману, а имени Адама
не знали. Павел Григорьевич сразу не махнул
что ответить, очень разволновался, начал искать
в литературе, но безуспешно. Однако на следую-
щей неделе он с торжеством сообщил, что эти
названия созданы и распространены арабами. Рас-
сказывал нам Павел Григорьевич и о новой инди-
йской литературе, в частности о Рабиндранат-
хе Тагоре, о его брате - художнике Абанндран-
тане и вообще о новой индийской живописи. В
дальнейшем наша группа распалась. А. Тер-Гевен-
дик из материальных соображений перешел в Тех-
нологический институт, а я закончил все же не
инди-крайское, а романо-германское отделение.

Следующий этап моего знакомства, я теперь
связал бы дружба, с Павлом Григорьевичем Рит-
тером была наша общая работа по организации ес-
тетаического воспитания в Харькове, начиная с
беседы в 1925 г. небольшой группой энтузиа-

стов Восточной секции Харьковского научного об-ва, потом работы во Всеукраинской ассоциации востоковедов, в журнале "Східний світ" и т.д. Очерк истории этих учреждений дан мною в "Антології літератур Сходу" на стр.82-92. Павел Григорьевич принимал во всем этом самое деятельное участие, был, между прочим, директором Харьковских курсов восточных языков, хотя сам там лекций не читал.

Павел Григорьевич прекрасно владел украинским языком и имел хорошее произношение. Повидимому, он знал этот язык с детства, с Полтавщины. Трудность овладения каким-либо славянским языком состоит в том, чтобы научиться не смешивать его с другим, ему близким, соблюдать все смысловые различия часто близких по форме слов и оборотов. Так, проф. А.Н.Гладстери, председатель ВУНАВ, одно время путал украинский с польским (говоря "теряз" вместо "зараз" и т. п.). Павел Григорьевич никогда не допускал жаргона и посмеивался над теми, кто это делал. С большим старанием и любовью он создал в это время "Антологію індійської літератури", начиная с древнейших времен, которую он хотел в будущем довести до нашего времени. Она должна была быть издана в серии переводов с восточ-

ных языков, выходявшей под моею общей редакцией. Заботясь о художественном стиле этих переводов Павла Григорьевича Гиттера, издательство прислало к Павлу Григорьевичу некую поэтессу, которая предложила довольно много вариантов стихов отдельных мест. Однако при сверке оказалось, что большинство этих вариантов отдаляют перевод от оригинала, причем не дают каких-либо особых художественных преимуществ в украинском тексте. Составляя свою "Антологию", Павел Григорьевич подбирая материал не только с художественной точки зрения, но старался отразить в них повседневную жизнь, быт древней Индии. Так, из Вед были даны: "Игрок в кости", "Пьяный Индра", "Сатира на брахманов под видом лягушек", из Рамаяны сцены из придворной жизни, из Махабхараты знаменитое описание битвы и т.д. Таким образом, эта антология представляла собой большой научный интерес и была высоко оценена таким знатоком литературы, каким был акад. А.М. Белецкий. Судьба ее была печальна. Издательство, которое приняло ее к печати, было слито с ДВУ, куда перешли все его материалы. Здесь в отделе художественной литературы главным редактором оказался некто, писавший под псевдонимом "Чена-

вс-чреве-суций". Когда я пришел к нему по вопросу об издании "Антологii" Павла Григорьевича Риттера, он на меня набросился: "Как! Вы что! Хотите издавать религиозную литературу? Да тут то и дело упоминаются разине боги!". Напрасно я возражал ему, что боги эти древне-индийские, которые и самой-то Индии восприним^ваются как далекое прошлое, что в таком случае нельзя издавать "Илиаду" и "Одиссею"... Он был неумолим и не принимал никаких аргументов. К счастью, благодаря заботам акад. А. И. Бенедиктово, рукопись Павла Григорьевича сохранилась и еще может быть издана.

Навел Григорьевич Риттер, каким я его помню, всегда был бодр, жизнерадостен и весел. Таким он оставался и тогда, когда почти потерял зрение и вынужден был пользоваться очень сложными очками. В 1937 или начале 1938 г., уже в Ленинграде, акад. Ф. И. Щербатский поручил мне выяснить в Харькове вопрос о возможности перехода Павла Григорьевича в Ленинградский университет для чтения лекций по санскриту на Восточном отделении. Однако осуществить это было уже невозможно.

А. П. Ковалевский